

СМЕРТЬ ГРОЗНОГО

По случаю гибели наследника в стране был объявлен траур. Царь ездил на покаяние в Троицу. Там он втайне от архимандрита призывал к себе келаря и, встав перед ним на колени, «шесть поклонов в землю положил со слезами и рыдань-

ем». Царь просил, чтобы его сыну была оказана особая привилегия — поминание «по неделям». По монастырям и церквям распределены были богатые вклады на помин души царевича Ивана.

Будучи в состоянии глубокого душевного кризиса, царь совершил один из самых необычных в его жизни поступков. Он решил посмертно «простить» всех казненных по его приказу людей. Трудно сказать, тревожило ли его предчувствие близкой смерти, заботился ли он о спасении души, обремененной тяжкими грехами, или руководствовался трезвым расчетом и пытался разом примириться с духовенством и боярами, чтобы облегчить положение нового наследника — царевича Федора. Так или иначе, Грозный приказал составить Синодик опальных и велел учредить им поминание. На головы духовенства пролился серебряный дождь. Посмертная реабилитация опальных, самые имена которых находились многие годы под запретом, явилась актом не только морального, но и политического характера. Фактически царь признал совершенную бесполезность своей длительной борьбы с боярской крамолой. «Прощение» убиенных стало своего рода гарантией, что опалы и гонения больше не возобновятся.

Исследователи допускают возможность того, что в последние месяцы правления Ивана Грозного в России возобновились массовые казни. О них сообщил немецкий пастор Пауль Одерборн: «Иоанн осудил на смерть 2300 воинов, которые в Полоцке и в других крепостях сдались неприятелю. По заключении мира... велел их всех казнить или ввергнуть в ужасную темницу». В точности его свидетельства, пишет Б.Н. Флоря, нельзя быть полностью уверенным.

Зная характер сочинения Одерборна, можно быть уверенным в полной недостоверности его свидетельства. Памфлет пастора превосходит другие иностранные записки обилием грубых вымыслов и фантазий.

На пороге смерти Грозный решил примириться со всеми погубленными им людьми, чтобы облегчить свою участь на том свете. Он постарался, чтобы никто не был забыт. Если бы мас-

совая казнь православных, вернувшихся из плена, действительно имела место, этот факт получил бы отражение в Синодике царя.

Судя по русским источникам, Грозный до конца дней своих оставался скор на расправу. Но дело ограничивалось крупными штрафами и палочными ударами — торговой казнью. Кровопролития прекратились. «Дворовая» политика утратила преимущественно репрессивный характер. После упразднения «удела» Иванца Московского опалы на земских бояр приобрели умеренный характер.

Новый курс получил подтверждение в указе, грозившем жестокими карами за ложные доносы. Указ предписывал казнить тех, кто неосновательно обвинит бояр в мятеже против царя. Наказанию подвергались также боярские холопы за ложный донос на своих господ. Мелких ябедников били палками и определяли на службу в казаки в южные крепости.

С гибелью царевича Ивана наследником престола стал слабоумный Федор. Поскольку неспособность Федора к правлению была всем известна, повествует дьяк Иван Тимофеев, все «заболели» недоверием к нему. Бояре сомневались в том, что Федор сможет управлять страной в обстановке тяжелого поражения и разрухи. Царь проявил обычную для него изворотливость, чтобы спасти будущее династии. После торжественного погребения царевича Ивана он обратился к думе с речью и начал с того, что смерть старшего сына произошла из-за его грехов. И так как, продолжал он, есть основания сомневаться, перейдет ли власть к младшему его сыну, он просит бояр подумать, кто из наиболее знатных в царстве лиц подходит для царского трона.

За время длительного и бурного правления Грозный дважды объявлял об оставлении трона. Третье отречение, на этот раз от имени слабоумного сына, имело подлинной целью утвердить царевича в качестве наследника. Бояре прекрасно понимали, что ждало любого другого претендента и тех, кто осмелился бы высказаться в его пользу. Поэтому они усердно просили царя отказаться от мыслей удалиться в монастырь на

покой, пока дела в стране не наладятся, а также верноподданически заявили, что не желают себе в государи никого, кроме его сына.

Состояние здоровья царя резко ухудшилось в конце февраля 1584 г. Голландский купец Исаак Масса оставил подробное описание кончины самодержца. По его словам, монарх был отравлен своим любимцем Богданом Бельским. Известно, что царя лечил фламандский врач Эйлоф. Но лекарства самодержец принимал исключительно из рук Бельского. Получив снадобья из рук лейб-медика, временщик якобы успел подмешать в него яд, отчего больной вскоре умер.

Масса верно назвал имена двух лиц, несомненно, находившихся возле умирающего государя. Но его свидетельство не внушает доверия. Голландец родился через несколько лет после кончины царя. В Россию он попал 13-летним мальчиком и не был вхож во дворец. Он лишь записал слухи, до которых был великий охотник.

Что же произошло в действительности? От природы Иван обладал неплохим здоровьем. Но из-за беспорядочной жизни и разного рода злоупотреблений он рано состарился. Смерть наследника окончательно надломила его душевные и физические силы. Папский посол, видевший самодержца в год смерти царевича, писал, что, судя по всему, «этот государь проживет очень не долго». И действительно, отец пережил сына лишь на два года.

Итогом царствования Грозного было полное разорение государства. 25-летняя Ливонская война, которая стала делом его жизни, закончилась сокрушительным поражением. Войска польского короля Батория трижды вторгались в страну, и монарх, придерживавшийся весьма высокого мнения о своих полководческих способностях, не осмелился вступить в сражение с ним.

Иван Грозный скончался в пятьдесят три года. Из них пятьдесят лет он провел на троне. Жестокостью и кровью ему удалось смирить державу и добиться неограниченной власти. Его враги расстались с жизнью или томились в изгнании. Новых

заговоров не предвиделось. Тем не менее в конце жизни царем овладело неодолимое желание разом изменить всю свою жизнь.

В свое время Иван IV лелеял надежду найти упокоение в отдаленном северном монастыре. Его намерение не сбылось. В конце жизни он возобновил секретные переговоры с англичанами. Бремя власти все больше становилось для него непосильным. За морем, в далекой Англии, он мечтал найти тихую пристань, чтобы провести остаток жизни в мире и покое. В Лондоне к его услугам были самые искусные в мире медики, способные поправить расстроенное здоровье.

Иван придавал исключительное значение переговорам с английским послом Боусом. На 20 февраля 1584 г. он назначил послу прощальную аудиенцию. Но прием пришлось отложить из-за болезни. 10 марта дума распорядилась задержать в Можайске литовского посла ввиду того, что «по грехом государь учинился болен».

Последняя болезнь монарха длилась примерно три недели. Сохранилось предание, что перед кончиной Иван послал гонцов в Лапландию и велел привезти оттуда знахарей и кудесников. Финские племена, сохранявшие языческую веру, славились как искусные лекари и прорицатели. Посланцы проявили большую расторопность. Они схватили 60 финнов и лопарей и доставили их к Богдану Бельскому в Москву. Кудесники объявили, что царь обречен, и будто бы назвали день и час его кончины. Бельский не осмелился сообщить государю о предсказании. Но Иван узнал о дерзости ведунов и пришел в бешенство.

Заболев, Грозный отправил грамоту в Кирилло-Белозерский монастырь. Всю жизнь он считал далекий северный монастырь средоточием русской святости. В момент тяжелой болезни он обратился к кирилловским старцам со словами: «Ног ваших касаюсь, князь великий Иван Васильевич челом бьет и, молясь припадая преподобью вашему, чтоб есте пожаловали о моем окаянстве соборне и по кельям молили Господа Бога», чтобы «ваших ради святых молитв моему окаянству отпущение грехов даровал и от настоящих смертных

болезни свободил». Государь крепко надеялся на заступничество богомольцев.

Прошло много лет с тех пор, как самодержец поведал старцам, что задумал сменить корону на клобук и избрать их обитель для иноческого жития. Перед кончиной Иван не поминал больше о пострижении в Кириллове. По всей видимости, он намеревался последовать примеру отца, принявшего постриг в день кончины.

Грозный недаром называл свою болезнь смертной. Он чувствовал, что конец близок. Однако в середине марта состояние его внезапно улучшилось, и он смог обратиться к неотложным делам. Царю напомнили, что литовский посол задержан в Можайске и ждет приглашения. 17 марта власти послали такое приглашение. По этому поводу в Кремле собралась Боярская дума, о чем поведал украинский монах — черный дьякон Исайя. Некогда Исайя приехал в Москву за православными книгами, но был обличен как лазутчик и двадцать лет провел в плену. В марте 1584 г. дьякон, по его собственным словам, говорил с Иваном IV о вере перед «царским синклитом» (Боярской думой) и царь с ним «из уст в уста говорил крепче и сильнее». Больной собрал думу, конечно же, не только для богословского диспута. Бояре обсуждали вопрос о мире ввиду того, что на западных границах назревала угроза новой войны. Освобождение монаха Исайи должно было подкрепить миролюбивые заявления русских властей. Прибывший литовский посол усердно просил отпустить Исайю на родину, но он явился в Москву уже после смерти Грозного.

Болезнь лишь на время отпустила Ивана. Невзирая на улучшение, он не мог ходить, и его переносили на носилках.

Больной усердно молился. Считая себя главным хранителем и защитником православия, он уповал на прощение и райское блаженство.

Разлука с земным миром была для царя трудной. Всего тяжелее было расстаться с накопленными сокровищами. Каждый день больной приказывал нести его в Казну. Джером Горсей описал как очевидец последнее посещение государем со-

кровишницы. Царевич Федор, сопровождавший отца, пригласил англичанина пройти в Казну вместе с ним.

В Казне больной пожелал показать свите собрание драгоценных камней и обратился к наследнику с пояснениями насчет их мистической сути. По признанию самодержца, камни оказали зримое влияние на его жизнь. Кораллы и бирюза, положенные на руку больного, потускнели. «Они предсказывают мне смерть», — заметил государь. Среди прочих диковинок из кладовых принесли жезл, сделанный из рога единорога. Он был изукрашен алмазами и рубинами. Иван приказал наловить пауков. По знаку больного врач Эйлоф обвел жезлом круг на столе, в круг были тут же запущены насекомые. Одни пауки сдохли, другие убежали прочь. Наблюдая за их поведением, Иван сказал: «Слишком поздно, он (жезл) не убережет теперь меня».

Посещение Казны кончилось неладно. «Мне плохо, унесите меня отсюда до следующего раза», — произнес монарх.

В полдень 18 марта 1584 г. больной велел принести духовное завещание и приступил к его исправлению. Советники давно ждали этого момента. Внесение поправок в завещание требовало присутствия официальных лиц. Работа заняла немало времени.

При царе Федоре из Вены в Москву прибыл посланец Габсбургов Никола Варкоч со специальным заданием разузнать, каким было содержание духовной Грозного и кто осмелился уничтожить документ. Варкоч справился со своей задачей. Он выяснил, что опекунами сына царь назначил четырех лиц — Ивана Мстиславского, князя Ивана Шуйского, Никиту Романова и Богдана Бельского. Федор давно достиг совершеннолетия, но из-за полного умственного убожества править за него должны были бояре-опекуны.

Всю жизнь Грозный враждовал со своей знатью. Но это не помешало ему назначить первым регентом удельного князя Ивана Мстиславского. Обладая огромным политическим опытом, самодержец понимал, что только при поддержке думы его недееспособный сын может удержать на голове корону. Мсти-

славский тринадцать лет возглавлял земскую думу. Царь не раз обличал его как изменника и колотил палкой.

До конца жизни самодержец так и не решился искоренить опричные порядки, обеспечивавшие ему неограниченную власть. Последышем ненавистной опричнины был «двор». Его возглавляли Афанасий Нагой, Борис Годунов и Богдан Бельский. Брак царя с племянницей Нагова доказывал, что среди дворовых людей Афанасий пользовался наибольшим влиянием.

Близившаяся кончина Грозного посеяла глубокий раздор среди высших дворовых чинов. Вышло так, что самодержцу пришлось исключить из опекунского совета двух главных любимцев. Причиной тому были следующие обстоятельства.

Нагие ликовали, когда у царицы Марии Нагой родился сын Дмитрий. Царевич рос как нормальный ребенок, что давало ему бесспорное преимущество перед слабоумным братом. Афанасий Нагой готов был употребить все средства, чтобы посадить на трон Дмитрия. Он негодовал на царя, пообещавшего англичанам удалить в монастырь царицу Марию.

Грозный понимал, какую опасность для законного наследника Федора таят замыслы Нагих, и не допустил их в регентский совет. Но он не остановился на этом.

В завещании времен опричнины Иван IV распорядился выделить законной жене Анне Колтовской в случае ее вдовства древний Ростов, а возможному сыну от нее — Углич, Кашин и Малый Ярославец. Брак с Марией Нагой был незаконным, а потому государь назначил царице и ее сыну в удел один лишь Углич.

В браке с Ириной Годуновой у царя Федора не было детей. По этой причине старшая, законная ветвь династии Калиты обречена была на исчезновение. Иван IV винил в бесплодии невестку и намеревался развести ее с сыном. Влияние Бориса Годунова зижделось на родстве с Федором. Естественно, что он должен был всеми силами противиться разводу сестры. Сказанное объясняет, почему Грозный не включил Бориса в регентский совет.

Атмосфера дворца была отравлена смертельной враждой. Придворные отчетливо сознавали, что исключение из состава опекунского совета грозит им утратой власти, тюрьмой и плахой.

Глубочайший раздор между вождями «двора» привел к тому, что в опекунском совете безраздельное влияние получила знать. Вместе с Мстиславским опекунами стали два наиболее авторитетных руководителя Боярской думы — прославленный воевода Шуйский, принятый царем на дворовую службу, и земский боярин и дворецкий Никита Романов.

В свое время Грозный велел сжечь неких баб-ведуний, которых держал в своем доме новгородский архиепископ Леонид. Теперь он намеревался проделать то же самое с колдунами, собранными Богданом Бельским. Больной не мог отказать себе в удовольствии посмеяться над кудесниками, предсказавшими ему смерть. Они должны были заплатить жизнью за свои предсказания. Казнь всегда была в глазах самодержца последним аргументом в спорах с недругами, будь то священнослужители или язычники.

Глава сыскного ведомства Бельский считал, что его час настал. Он готовился подхватить власть, едва она выпадет из рук умирающего. Днем временщик держал совет с ведьмами и сообщил им, что они будут сожжены или зарыты в землю. Кудесники просили Бельского лишь об одном: дожидаться захода солнца — окончания названного ими дня смерти государя.

По свидетельству Горсея, в третьем часу дня 18 марта 1584 г. царь велел приготовить себе баню. В приготовлении участвовал лейб-медик Эйлоф.

Над завещанием больной трудился примерно два часа, в бане пробыл с третьего часа дня до семи, то есть более четырех часов. На досуге царь любил слушать песни и былины. Во время купания больной, по обыкновению, тешился музыкой.

Из бани царя перенесли в спальню и посадили на постель. Государь желал потешиться игрой в шахматы. При московском дворе эта игра была в моде. Иван велел позвать дворянина

Родиона Биркина, искусного шахматиста. В опочивальне собралось большое общество — Бельский, Годунов, сановники и штат слуг. Государь стал расставлять фигуры, но руки не слушались его. Все фигуры стояли по своим местам, «кроме короля, которого он никак не мог поставить на доску» (Горсей). Не справившись с королем, больной лишился сил и повалился навзничь. В комнате поднялась суматоха. Одни спешили вызвать духовника, другие посылали за водкой, за лекарями, в аптеку за ноготковой и розовой водой.

Повествуя о кончине Грозного, Горсей употребил фразу: «He was strangled». Новейшие исследователи переводят эти слова так: «Он был задушен». Но такой перевод сомнителен. Царь умер, окруженный множеством людей. На глазах у них невозможно было тайно задушить монарха. Со временем по Москве распространились слухи о насильственной смерти государя. Но толковали не об удушении, а об отравлении ядом: «Неции же глаголют, яко даша ему отраву ближние люди».

М.М. Герасимов провел исследование костей царя, извлеченных из гробницы, и обнаружил в них следы ртути. Может ли этот факт служить доказательством отравления Грозного? Едва ли. Следует вспомнить, что ртутные соединения использовались тогдашней медициной при изготовлении некоторых сильнодействующих лекарств.

Горсей описал последние минуты царя со слов очевидцев. Иван испустил дух, то есть перестал дышать.

В числе первых в спальню хоромы царя прибежал его духовник Феодосий Вятка. Иван был мертв, но Феодосий совершил обряд пострижения над мертвым телом: «...возложи на него, отшедшего государя, иноческий образ и нарекоша в иноцех Иона». Очевидно, духовник действовал не по своему разумению, а в соответствии с распоряжением царя.

Смерть государя поначалу пытались скрыть от народа. Тем временем Бельский приказал запереть ворота Кремля и поднял в ружье стрелецкий гарнизон.